

* * *

Обездвиженный город. Густая чернильная мгла.
Запах прели от листьев стоит невесомо и остро.
Я хочу дотянуться рукой, но она тяжела.
Он ведёт разговор и сутулится, словно подросток.

Говорит, говорит, мой кивает в ответ капюшон.
Рукавом прикасаюсь, скользя по блестящему краю.
Только всё не о том. Вот сейчас, пока он не ушёл,
Протянуть бы ладонь, что ключи в кулаке зажимает.

Он так близко. Так близко! Немеет по локоть рука.
Что мне Рыжий и Рубина, и Турбина, и Фарятьев...
Я забуду их всех. И останется только ругать
Оглушённую нежность несбывшихся наших объятий.

* * *

На Сретение – не встретились.
Бог ли отвёл? Гололедица?
Мой календарь как летопись:
Всё-то тебе не едется.

Тянешь до дня рождения?
Я расстилаю простыни.
Видишь, я жду, я прежняя,
Всё ведь теперь по-взрослому...

Помнишь, как ты, соскучившись,
Письма писал мне с Севера?
Щёки твои колючие,
Руки мои загорелые

Снились до поздней осени.
И до Покрова, кажется,
Я всё стелила простыни.
Спать, хоть одной, но надо же.

* * *

В километре от старого кладбища были сады.
На участке, который достался в наследство от деда,
Ты построил бревенчатый дом и меня приводил
Показать, как дырвят сосну наглецы-короеды.

В доме пахло смолой. Ты колол, раззадорясь, дрова.
Бесновался огонь и глодал, словно кости, поленья.
И когда ты меня, не бросая топор, целовал,
И когда ты меня прижимал и сажал на колени,

Мне казалось, что всё это длиться и длиться должно,
Что пора бы стянуть продымлённые джинсы и свитер.
Расшнуровывал левой свой сорок второй и смешно
Хмурил брови от шёпота: «Просто возьми и порви ты!»

Обнажённая яблоня кроной задела Луну,
А потом ты меня разбудил и сказал: «Как неловко!
Не выглядывай в окна, чёрт дёрнул приехать жену.
Хоть и бывшая, будет кричать на тебя, что воровка».

Я не знаю, откуда у бывших берутся ключи
От ворот. Если связи разорваны, станут ли люди
Задыхаться и ждать, чтобы ночью фонарик включить
И прийти посмотреть, кто ещё их любимого любит.

Поменял бы замок, только что-то всегда не с руки.
Хорошо, что хоть в доме засов – не откроешь снаружи.
Мне казалось, любить – это значит быть честной с другим,
А тебе – что никто не сумеет враньё обнаружить.

* * *

По работе в Москву, на Митинский радиорынок.
И раскисший февраль предвещал полуночный приезд.
Я покрасилась в рыжий и жарила жирную рыбу.
Он приедет голодный, обнимет меня и поест.

Он приедет. Два стука заглохнут в пыли дерматина.
Целлофановый свёрток протянет: «Смотри, что привёз!
Выбегает из леса и прямо ко мне под машину».
Открываю пакет, а в пакете – отрезанный хвост.

Я не помню, как долго он жёг электричество в ванной,
Вырезая хрящи, отмывая дамасскую сталь.
Но висит на балконе и пахнет шампунем охряный
Лисий хвост, а за ним леденеющий чёрный февраль.

«Убери в холодильник, не буду ни рыбу, ни мясо.
И давай уже спать». Он ушёл, я осталась сидеть.
Не заметил, что рыжая, – это пустяк. Но ужасней
Намотать на колёса – и не почувствовать смерть.

«Пусть просохнет, – сказал поутру, – это будет нескоро,
Я потом на рюкзак тебе сделаю классный брелок».
И просвечивал хвост, растекаясь пятном по шторе,
И зелёную горечь молчание вдруг обрело.

Мы расстались полгода назад. Но по-прежнему жутко
Просыпаться и видеть играющий шерстью сквозняк.
И никто не узнает, что новая рыжая куртка
Незаметно в живую лису превращает меня.